

ния, которому присуще относительное материальное благополучие. Большинство из осужденных за совершение преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 237 УК Республики Беларусь, – это лица в возрасте 30–49 лет (в 2004 г. – 79,1 %, в 2009 г. – 57,1 %). Результаты изучения материалов уголовных дел показали, что виновные как по месту работы, так и по месту жительства характеризовались положительно. Большинство из них (61,8 %) женаты (замужем), 13,2 % – были женаты (замужем), но на момент совершения преступления развелись, 28,9 % имеют детей. По данным уголовной статистики, осужденные за совершение преступлений указанной категории характеризуются высоким уровнем образования – с высшим образованием в 2004 г. было осуждено 72,1 %, в 2009 г. – 62,9 %. И если часть из них совершала преступление с корыстной целью, то в отношении другой части в качестве дополнительной причины при формировании мотивации можно учитывать тенденцию относительной депривации, предложенную Г. Сайксом, т. е. учитывать не только то, что человек имеет или то, что он приобретает в результате преступления, а то насколько велико несоответствие между тем, что он имеет, и тем, что он хотел бы иметь. Мотивом совершения является не только стремление к обогащению, но и ложно понятые интересы службы, самоутверждение, боязнь ответственности за недостатки в работе, т. е. в данном случае речь идет именно о полимотивации – явлении, которое означает, что одно поведение побуждает несколько потребностей, а в ряде случаев хорошо организованную систему потребностей.

После принятия решения о совершении преступления происходит прогнозирование возможных последствий реализации возникшего желания, планирование поведения с учетом реальной обстановки, собственных возможностей и других обстоятельств, а также выбор средств. При этом происходит внутреннее соотношение выбранной модели деструктивного поведения с существующими в обществе моральными, правовыми и иными нормами, общественным и групповым мнением, мнением близких людей.

И именно на данном этапе ключевое значение имеют ценностно-нормативные характеристики сознания личности. А.И. Долгова определяет ценностные ориентации как глубинные личностные характеристики, которые указывают на наиболее значимые для личности объекты, наиболее ценные для нее. В выстраиваемой иерархии ценностных ориентаций преступника преобладает личное, материальное благополучие, создание для этого наиболее комфортных условий. Многочисленные криминологические исследования ценностно-нормативных характеристик сознания личности фиксируют:

существенные пробелы в нравственном сознании лиц, совершающих преступления;

искажения, ведущие к нравственному конфликту с общепринятыми в обществе нормами морали, искажение такого элемента правосознания, как отношение к исполнению правовых предписаний.

Для характеристики личности преступника, совершающего преступления в кредитно-финансовой сфере, криминологически значимым является

то, что не у каждого преступника ценностные ориентации, нравственное, правовое, экономическое и иные формы сознания заметно отличаются от соответствующих характеристик правоуполномоченных лиц. Как отмечает А.И. Долгова, преступники в значительной мере воспроизводят те взгляды, которые так или иначе распространены в общественной и групповой психологии, проявляются в общественном мнении. Соответствующие негативные моменты сознания создают только возможность поведения, не соответствующего закону. Но у совершающих преступление лиц такая вероятность намного выше, так как соответствующие дефекты взглядов, установок, ориентаций в их среде: наиболее распространены; носят более глубокий характер, перерастают в убеждения, готовность к поведению в их направлении, привычки поведения; представляют собой комплекс взаимосвязанных деформаций ценностных ориентаций, нравственных, правовых, иных взглядов и установок.

Существующая в настоящее время духовно-нравственная дезориентация в обществе способствует тому, что этот вид преступности представляется большинству населения чем-то вполне оправданным и не криминальным, а для определенной социально-дезорientированной части населения – привлекательным способом получить высокие доходы при относительно низкой степени риска. При этом немаловажную роль играет фактор дегуманизации жертвы, так как, во-первых, преступник избавлен от необходимости испытывать дискомфорт (экономический, психологический и т. д.): при совершении преступлений в кредитно-финансовой сфере потерпевшим является юридическое лицо (банк, кредитная организация, страхования компания и т. д.); во-вторых, получает возможность оправдывать либо отрицать факт совершения самого преступления. Часто эти деликты совершаются в процессе законной деятельности, с использованием современных технологий, компьютерной техники и средств коммуникаций, позволяющих скрыть не только сам факт совершения преступления, но и полученную незаконную выгоду.

Долгие годы в теории и на практике рассматривалась проблема безопасности человека, проблема защиты человека от преступных посягательств, так как именно против личности совершались практически все преступления. Однако в настоящее время преступность приобрела принципиально новую качественную характеристику и стала представлять угрозу не только для отдельного человека или группы людей, но и для государства в целом.

В.Е. Бурый

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И РОЛЬ КРИТЕРИЕВ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Качественной стороной состояния и организации исправительного процесса должна быть полная (или близкая к этому) ресоциализация спецконтингента в местах лишения свободы (МЛС), выражающаяся в форми-

ровании у них готовности вести правопослушный образ жизни, что напрямую влияет на предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами.

Вместе с тем, по сведениям научно-практического центра Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, пенитенциарный рецидив среди граждан, освободившихся условно-досрочно из МЛС, достаточно высок и уже сейчас составляет не менее 25 %. Председатель Верховного суда Республики Беларусь В.О. Сукало также утверждает, что за последние годы рецидивная преступность выросла на 40 %. Две трети людей, стоящих сегодня перед судом, ранее привлекались к уголовной ответственности». Как следствие, национальный эксперт Республики Беларусь в области применения уголовных санкций профессор В.М. Хомич признает, что в такой ситуации и лишение свободы, и условно-досрочное освобождение от наказания трудно рассматривать в качестве серьезных факторов даже предупреждения преступлений. Об исправительном воздействии на преступников такой карательной практики вообще говорить не приходится. Эту позицию разделяет и профессор А.Н. Пастушениа, утверждающий, что указанные в ст. 116 УИК Республики Беларусь критерии исправления необходимо рассматривать как исходные требования к оценке степени исправления, но не как полностью характеризующие готовность к законопослушному образу жизни.

Очевидно, что в настоящее время в отечественной уголовно-исполнительной практике остро стоит проблема обобщения и систематизации положений, касающихся показателей исправления, разработка конкретных программ ресоциализации осужденных в МЛС в зависимости от типологии осужденных, их криминальных наклонностей (специализации), определения на этой основе объективно воспринимаемых признаков, свидетельствующих о достижении соответствующей степени исправления.

Это подтверждается и результатами проведенного в октябре – ноябре 2009 г. анонимного анкетирования 470 сотрудников (аттестованных и вольнонаемных) и 1460 осужденных к лишению свободы исправительных колоний № 2, 15, 17 (для лиц, ранее не отбывавших наказание в МЛС), 9, 14, 20 (для лиц, ранее отбывавших наказание в МЛС) Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь. Так, 74,2 % сотрудников и 50,4 % осужденных уверены в том, что для объективной оценки степени исправления отбывающих наказание в МЛС, указанных в ст. 116 УИК критериев недостаточно. Это подтверждается ответами сотрудников и на другие вопросы анкеты: только 33,1 % респондентов полагают исчерпывающим перечень критериев и степени исправления осужденных, указанных в ст. 116 УИК, и 78,7 % утверждают, что при определении степени исправления осужденного необходимо основываться не на общих (для всех) критериях исправления, а на конкретных, исходя из характера состава преступления: для осужденных за насильственные преступления – одни критерии исправления, за корыстные – другие, для рецидивистов – третьи, для несовершеннолетних – четвертые и т. д. (последнюю позицию, еще в

середине XX в., отстаивали известные ученые Ф.Р. Сундуrow и В.Ф. Пирожков).

В пенитенциарной теории и практике под критериями исправления осужденных к лишению свободы понимаются такие признаки (показатели), при помощи которых дается четкий ответ на вопрос об определении уровня ресоциализации на определенном этапе организации исправительного процесса в колонии.

Следует отметить, что проблема обобщения и систематизации положений, касающихся критериев исправления осужденных к лишению свободы, одна из ключевых в уголовно-исполнительном праве, однако многие ее теоретические и практические вопросы остались неразработанными или нуждаются в дальнейшей углубленной научной проработке. Обращает на себя внимание и тот факт, что большинство из этих работ связано с прежним уголовным и уголовно-исполнительным (исправительно-трудовым) законодательством.

Изучение трудов показало, что условно имеются две точки зрения на определение признаков (показателей) исправления осужденных к лишению свободы: одни придерживаются позиции, что в основе окончательной оценки степени исправления должны лежать социально-правовые критерии, а другие – психолого-педагогические. Однако рост пенитенциарного рецидива среди освобожденных граждан показывает, что следует избегать упрощенного понимания критериев исправления осужденного. Как правило, судят по внешним признакам – высокая производительность труда, отсутствие нарушений дисциплины, принятие обязательства о правопослушном поведении, неконфликтность, коммуникабельность, гибкость в общении и т. п. Но выполнение всех требований, которые служат основанием определения степени подготовленности осужденных к досрочному освобождению, часто свидетельствует не об исправлении осужденных, а об их приспособляемости к условиям МЛС с целью получить максимальную пользу для себя.

Учитывая вышесказанное, а также с позиций уголовного, уголовно-исполнительного права, криминологии (в том числе пенитенциарной), юридической психологии и педагогики, основываясь на такой типологии осужденных к лишению свободы (по характеру мотивационной и преступной направленности личности), как корыстные (1-й тип), насильственные (2-й тип), корыстно-насильственные (3-й тип), случайные (4-й тип), осужденные, допускающие рецидив (рецидив корыстный, насильственный, корыстно-насильственный) (5-й тип), несовершеннолетние (корыстные, насильственные, корыстно-насильственные) (6-й тип), настало время внести изменения и дополнения в ст. 116 УИК и конкретизировать критерии исправления, разделив их на три группы: юридические (уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические), социальные, психолого-педагогические.

Под юридическими критериями исправления осужденных к лишению свободы понимаются правовые основания, позволяющие, с учетом уровня ресоциализации по социальным и психолого-педагогическим критериям,

рассматривать в отношении отбывающих наказание вопросы изменения вида исправительного учреждения и условий режима, досрочного освобождения от наказания, применения закона Республики Беларусь «Об амнистии...», помилования, установления степени исправления (вывода по аттестации-характеристике), применения мер поощрения и взыскания, и т. д. Социальные критерии исправления – это показатели коррекции отклонений в социальной сфере жизнедеятельности осужденного. При наличии и желании осужденным асоциальных или антисоциальных стремлений, привычек, увлечений, развлечений, фиксация того, насколько у него уменьшилась (устранилась) эта негативная социально-общественная характеристика (в том числе в системе таких межличностных отношений, как осужденный – семья, родственники, осужденный – осужденный, осужденный – друзья, знакомые и т. д.). Психолого-педагогические критерии исправления – это конкретные признаки, показывающие устранение отклонений в нравственном и психологическом развитии (возвращение к норме). Фиксируются признаки при проведении психодиагностики, анализе отношений осужденного к окружающим людям, самому себе, к ценностным ориентациям человека, системе взаимоотношений с окружающим миром и т. д. Для более четкого восприятия и понимания психолого-педагогических критериев следует их разделить на две группы: общие (лежат в основе всех шести типов) и конкретнотипологические (лежат в основе каждого типа).

Таким образом, выделение общих и конкретнотипологических критериев исправления осужденных к лишению свободы позволит решить следующие задачи уголовной, уголовно-исполнительной политики и системы Республики Беларусь:

в полной мере реализовать не только принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности, но и принцип рационального применения мер принуждения и средств исправления осужденных, стимулирования их правопослушного поведения (ст. 6 УИК);

снизить уровень пенитенциарного рецидива среди освобожденных (по различным основаниям) граждан, а это, в свою очередь, и есть качественная сторона цели уголовно-исполнительного права – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами (ст. 7 УИК).

Ю.В. Быкова

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Неотъемлемым признаком уголовного права является принуждение. Но оно должно сочетаться с поощрением. Однако необходимо подчеркнуть, что в уголовном праве поощрительные нормы не предоставляют дополнительные блага, а устраняют или смягчают ограничения, установленные уголовным законом. Одна из главных поощрительных уголовно-правовых

норм – норма об условно-досрочном освобождении осужденных от отбывания наказания, которая является одним из средств формирования у осужденного уважительного отношения к человеку, обществу и государству, нормам, правилам и традициям, сложившимся в обществе.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания является одной из наиболее распространенных форм освобождения из мест лишения свободы и представляет собой освобождение осужденного от дальнейшего отбывания наказания при условии несвершения им нового преступления и выполнения возложенных на него судом обязанностей в течение оставшегося срока наказания.

Условный характер досрочного освобождения от отбывания наказания выражается в требованиях к осужденному в период неотбытой части срока наказания соблюдать возложенные на него судом обязанности, не нарушать общественный порядок и не совершать преступлений под угрозой отмены условно-досрочного освобождения и возобновления исполнения неотбытого наказания. Таким образом, не отбытая часть наказания, является своеобразным испытательным сроком, в течение которого осуществляется контроль за поведением осужденного и исполнением возложенных на него судом обязанностей.

Данный институт призван осуществлять коррекцию срока отбывания наказания в зависимости от степени эффективности его воздействия на конкретное осужденное.

В конце 90-х гг. XX в. в учреждениях уголовно-исполнительной системы имел место страшный перелимит, когда число осужденных, содержащихся в учреждении, значительно превышало норму. В этой связи представляется, что применение института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания не должно являться средством освобождения койко-мест в исправительных учреждениях.

По данным Департамента исполнения наказаний, в порядке условно-досрочного освобождения из исправительных колоний в 2006 г. было освобождено 4663 человека, в 2007 г. – 5387 человек, в 2008 г. – 3908 человек, в 2009 г. на 25 % больше по сравнению с 2008 г. Таким образом, число осужденных, в отношении которых применялся данный институт, постоянно растет. Это свидетельствует о том, что сотрудники учреждений уголовно-исполнительной системы видят необходимость в его применении. Ведь что плохого в том, что осужденный видит в условно-досрочном освобождении стимул к скорейшему освобождению? Наличие этого стимула позволяет эффективнее воздействовать на поведение осужденного. Ведь нет такого нормативного правового акта, в котором указано, сколько осужденных можно освободить от отбывания наказания условно-досрочно. Чем больше осужденных вернется к нормальной жизни рядом с родными, близкими и друзьями, тем лучше. Но не стоит забывать, что условно-досрочное освобождение применяется не ко всем осужденным, а является видом поощрения, поэтому следует серьезно относиться к подготовке материалов на осужденных, в отношении которых планируется применить условно-досрочное освобождение.